

Максим Стотыка

Последняя экскурсия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Стотыка

Последняя экскурсия

<https://litres.ru/74634872>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти матери Марк вынужден встретить в аэропорту брата, которого не видел девятнадцать лет. Антон — известный блогер-путешественник, объехавший полмира, но в родной Калининград приезжавший десятки раз и ни разу не постучавшийся в дверь брата. Марк — замкнутый программист, чья жизнь давно сузилась до мониторов, кода и одиночества. Похороны, старый родительский дом, неловкие попытки снова стать семьёй — всё это должно было стать финалом их истории. Но прошлое не отпускает так просто.

«Последняя экскурсия» — психологический триллер с элементами мистики и ужасов о двух братьях, которые слишком поздно поняли: чтобы выжить, им придётся забыть старые обиды и действовать вместе. Ведь на этот раз охота идёт не за сокровищами и не за славой. Охота идёт за ними.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Стотыка

Последняя экскурсия

Глава 1

Последняя Экскурсия Пролог.

Мама умерла два дня назад. Марк никогда бы не приехал сюда добровольно — но юридические и биологические обязательства не отменяются. Ему предстояло забрать из аэропорта человека, с которым они делили одну ДНК, но который давно превратился в статичный цифровой профиль: без фотографий, без голоса, без истории.

Глава 1 — Аэропорт

В пятницу, 24 июля 2023 года, в Храброво было плюс тридцать один. Воздух над асфальтом вибрировал, превращая силуэты самолётов на дальней полосе в зыбкие очертания. Аэропорт едва справлялся с бесконечным человеческим потоком. Толпа циркулировала между стойками регистрации, распадалась на группы у выходов и растворялась в залах ожидания. Порядок сохранялся только на центральном табло.

Марк поправил очки — дужка натирала кожу за правым ухом, линза поймала резкий блик. Металлический голос сверху выдал системное уведомление:

— Внимание. Рейс 214 задерживается до пятнадцати со-
рока. Приносим извинения за неудобства.

Марк отфильтровал этот звук на автомате. Информаци-
онный шум аэропорта скользил по периферии сознания, и
не оставлял в памяти ни цифр, ни городов.

Все мысли его были заняты совершенно другим. Он ждал
брата. И чем ближе была минута встречи, тем отчетливее
ожидание уступало место липкой, тревожной растерянности.
Они не виделись долгих девятнадцать лет — целую жизнь,
начавшуюся после выпускного в Калининградском техниче-
ском университете. Время просто развело их в разные сторо-
ны. Без явных обид, без громких ссор — связь истончалась
сама собой. Письма становились все суше, звонки — короче.
Мир вокруг каждого из них окончательно замкнулся, погло-
тив воспоминания друг о друге.

— Алло? Да, я на месте. Нет, ещё не вышел. Жду, — го-
ворил кто-то за спиной, и собственные мысли Марка отозва-
лись эхом. — Да, волнуюсь. Ладно, перезвоню.

Марк остался у фонарного столба, где узкая полоса те-
ни была лишь обещанием прохлады. Мимо текли чужие за-
тылки, чемоданы, чужие дети на плечах; толпа рябила, и с
каждым толчком этого человеческого потока крепла уверен-

ность: Антон мог пройти в двух шагах, задеть его плечом, и случится так, что он его даже не узнает. Девятнадцать лет — слишком долгий срок, чтобы удержать в памяти лицо брата, который к тому же наверняка успел измениться. От этого липкого зноя и бесконечного мелькания зрение на секунду поплыло, смазывая толпу в одну сплошную цветную полосу, а когда фокус вернулся — он увидел троих ребят у выхода. На вид им было лет семь, может восемь.

Они стояли плечом к плечу, в одинаковых шортах и плотно застёгнутых светлых рубашках, несмотря на тридцатиградусный ад. Почти близнецы, с неестественно чёрными, лакированными от пота волосами. Они не двигались, не переговаривались, не задирали голов к самолётам — просто караулили прибывающих, выхватывая лица из толпы одно за другим. Когда один из них повернулся, зацепившись взглядом за Марка, его обдало сквозняком: у мальчика были прозрачные, выцветшие до белизны глаза. Он смотрел сквозь людей, не мигая. В их неподвижности было что-то неестественное и одновременно пугающее.

Наваждение разорвалось резкой болью: кто-то на ходу тяжело рубанул его по лодыжке углом пластикового чемодана. Мимо промчалась девушка. В нос тут же ударил густой запах каштана и гибискуса.

— Простите! — бросила она на бегу, даже не повернув головы, и устремилась к стоянке такси возле пиццерии.

Она не успела сделать и десяти шагов, как замок не выдержал. Крышка откинулась. Из чемодана посыпались вещи, а вместе с ними — листовки. Сотни, может, больше. Ветер подхватил их и понёс: под ноги, под колёса чемоданов, в лица прохожим. Девушка бросилась за ними, опустилась на корточки, хватая бумагу с асфальта, но порывы вырывали листы снова. Кто-то отшвырнул одну носком ботинка. Кто-то наступил.

Марк подошёл и присел рядом.

— Давайте помогу.

Она подняла на него глаза — на секунду, не больше — и кивнула. Он складывал листовки в стопки, она запихивала их обратно в чемодан, придерживая крышку коленом. Ветер выхватил ещё несколько страниц и утащил к выходу. Две или три унесло под автобус. Одну прибило к потному стеклу терминала.

Когда Марк выпрямился и снова посмотрел в сторону выхода, мальчики исчезли. Он не видел, как они ушли. В толпе, среди чемоданов и спин, не осталось ни светлых рубашек, ни чёрных голов. Марк повёл плечами.

— Всё, — выдохнула девушка и защёлкнула замок. — Спасибо.

Она не стала ждать ответа и быстрым шагом направилась к такси.

От долгого ожидания и духоты Марк впал в странное оцепенение, и эта мимолётная встреча была единственным, что помогло ему прийти в себя.

В левой руке у него осталась листовка — смятая, с отпечатком пальца на уголке. На ней размашисто значилось: «Парк у залива. Экскурсия». Чуть ниже красовалась Ратуша — невысокая, с часами, снимок сделан снизу, от воды. Вид завораживал.

Сверху снова забубнил динамик:

— Рейс 739 из Москвы прибыл. Выход номер два.

Марк вздрогнул. Голос из динамика прозвучал как приговор: брат уже здесь, где-то среди этих людей.

— Ну где же ты, чёрт тебя дери...

Самолёт приземлился уже минут тридцать назад, а брата всё не было. Марк снова принялся мерить шагами пятачок у столба. Три шага влево. Три шага вправо. Поворот. Один. Два. Три.

На девятом круге автоматические двери разъехались, и в проёме показался Антон. Марк узнал его сразу, даже спустя девятнадцать лет. Походка — лёгкая, чуть враскачку — совсем не изменилась. Их встреча была неизбежна, словно они

шли к ней все эти годы. Он хотел шагнуть навстречу, но ноги будто приросли к асфальту. В горле у Марка пересохло.

Глава 2

Глава 2 — Дорога домой

На Антоне были короткие шорты в пальмах и попугаях, обычная белая футболка и потрёпанные кроссовки неизвестного бренда. Комично, трогательно и ужасно нелепо. От этой картины прошлое нахлынуло внезапно и остро. Вот он, братец: всё такой же лёгкий на подъём, со своей несуразной, но обаятельной походкой. Человек, умевший растворяться в моменте. Марк всегда завидовал его способности беззаботно существовать — вклиниваться в незнакомые компании, мгновенно притягивать к себе людей и становиться центром чужого внимания. Не то что Марк, чья жизнь давно сузилась до размеров компьютерного монитора.

Антон вдруг вскинул руку, его лицо расплылось в широкой улыбке, и он заорал на всю площадь перед терминалом:

— Брааааат! Маааарк. Ну и ну!

Он врезался в Марка на ходу, зажав в жёстких объятиях. От него пахло дешёвой лимонной газировкой и дорожной пылью. Марк замер, уткнувшись носом в чужую футболку, не зная, куда деть руки, а затем дважды коротко хлопнул брата по спине.

— Привет, Антон. — Голос Марка прозвучал так, будто он зачитывал доклад на кафедре.

— Да ладно тебе! — Антон тяжело опустил ладонь ему на плечо. — Боже. Столько лет, Марк. Столько лет.

Антон отпрянул, но рук так и не убрал — сжал пальцы крепче, бесцеремонно вглядываясь в его лицо.

— Ну всё, всё... — Марк отвёл глаза.

Братья пошли к парковке. Марк двигался строго по пешеходным переходам, Антон же просто перебегал дорогу на прямую и ждал его на той стороне. Наконец они дошли до машины, аккуратно припаркованной в тени деревьев.

— Предусмотрительно, — с улыбкой произнёс Антон.

Он закинул в багажник походный рюкзак — потертый, выцветший от солнца и долгих дорог. Сам забрался в душный салон и наблюдал за тем, как брат оплачивает парковку. Сквозь стекло и мерцание пыльного воздуха он тихо улыбался.

Через несколько минут машина уже неслась по шоссе, разрезая знойный воздух. Марк уверенно вёл автомобиль, вглядываясь в дорогу. За окном мелькали маленькие посёлки и сёла, сменяясь то густыми лесными массивами, то полями, где картофельные грядки перемежались с яблоневыми садами. Мимо проплывали речушки, мосты, деревообрабатыва-

ющие заводы, огромные мебельные склады — и всё это под беспощадным палящим солнцем. Внутри салона царила арктическая прохлада: кондиционер работал на полную катушку. От резкого перепада температур очки Марка запотели; он быстро снял их, протёр и снова надел, вернув взгляд к разметке.

Антон без умолку болтал.

Про Италию — и то, как в Неаполе его чуть не посадили за драку в баре. Про Мальту — где он три месяца жил у девушки, имени которой уже не помнит. Про Грецию — где на Санторини работал в таверне и научился жарить осьминога. Про деревню в Андах — где его лечила от лихорадки старуха, не говорившая ни на одном понятном ему языке.

Марк кивал. Иногда ронял короткое «да», «надо же», «представляю». Он смотрел вперёд и чувствовал, как чужая жизнь проносится мимо, словно встречный ветер. У него самого не было ни сотен стран, ни десятков тысяч лиц. Были кабинет, компьютер, программы, бессонница, кофе, книги и воспоминания. Девятнадцать лет уместились в несколько книжных полок и пару стартапов, которые успешно выстрелили.

— Ну и холодильник ты устроил, — Антон поёжился, но улыбнулся. — Слушай, а Света как? Всё так же в администрации, бухгалтером? Она же, вроде, экономический оканчивала?

Марк сильнее сжал пальцы на руле.

— Мы развелись, Антон.

Брат осёкся. Перестал щёлкать кнопками радио.

— Да? Ладно. Давно?

— Пять лет назад.

— Понял. Извини.

Наступила пауза. За окном проплыл ржавый остов деревообрабатывающего завода. Антон повернулся к боковому стеклу, разглядывая своё отражение.

Марку всё ещё казалось, будто происходящее — затянувшийся сон. Брат сидел на соседнем кресле, реальный, осязаемый, нарушающий своей болтовнёй его многолетнюю тишину. Бегущая разметка и поля сливались в одну бесконечную зелёную полосу, и это зрелище вытягивало из памяти образы, которые он так долго пытался похоронить под слоями кофе и кода.

В памяти всплыл их старый дом на окраине города: скрипучая калитка, яблоня, с которой они вместе падали в све-

жескошленную отцом траву, вечное ощущение бесконечного летнего веселья. Братья были не разлей вода, но постепенно, взрослея, отдалились. Антон всё чаще убегал — сначала во двор, потом в город, а затем и в другие страны. Марк остался. Он до сих пор держал в ящике стола их общий перочинный ножик с отломанным кончиком — тот, которым они когда-то вырезали на яблоне свои имена. Когда братьям было по тринадцать, родители развелись. Марк остался с матерью, и те годы были тяжёлыми. Хотя они с Антоном учились в одной школе, а позже — в одном университете, после развода они окончательно превратились в чужаков. Марк винил во всём себя, Антон — весь мир. И чем старше Антон становился, тем сильнее его тянуло к странствиям, а Марка — к спокойному, мирному одиночеству.

— Что отец?

— А что отец? — Антон резво перебирал в пальцах зажигалку, то и дело перебрасывая её из руки в руку. — Нашёл себе новую женщину, Веронику. Они познакомились на вечеринке по случаю открытия какого-то банковского отделения в Подмосковье. У неё двое детей от прошлого брака — мальчик и девочка. Он им теперь папа. Велосипеды, секции, всё как у людей.

— Мне он ни разу об этом не заикнулся, — насупился Марк. — Ты давно ему звонил?

— Постоянно звоню, но он не берёт трубку, либо говорит, что занят и не может сейчас болтать, либо ещё что-то. Обещает, что перезвонит, но не перезванивает. Последнее, что я узнал от него, это то, что его сын играет на скрипке, а дочь занимается гимнастикой.

Марк вцепился в руль так, что побелели костяшки. Внутрь тяжёлой волной поднялась старая муть. Тысяча девятьсот девяносто четвёртый год, им с братом по тринадцать. Марк вжимает голову в плечи от криков отца, он пьян: в нос бьёт удушливый запах перегара. Напротив, у раковины, безмолвная фигура матери — она моет одну и ту же тарелку уже час, и не оборачивается. Горло в этот момент словно сжимается тисками.

Он ненавидел эти воспоминания — и не заметил, как сам из-за них стал пустым, тихим и замкнутым. Как его мать. В такие моменты, о мёртвых либо хорошо, либо ничего...

Елена Евстигнеева умерла всего два дня назад. Для Марка эта потеря была оглушающей и невыносимой. И сейчас, в этой тяжёлой тишине салона, оба брата — пусть и не прознося этого вслух — искали друг в друге спасение. Их внезапное воссоединение возвращало их в детство, когда мама ещё была жива, а они сами были счастливы, валяясь на свежескошенной траве под бескрайним летним небом.

Машина заехала в город, который тут же встретил их плотной пробкой. Потихоньку жара отступала, вечером прохладный ветерок стал просачиваться сквозь приоткрытое окно салона, и кондиционер наконец выключили. По радио передавали прогноз погоды:

— Балтика готовится ударить по янтарному краю штормом. Уже сегодня к вечеру ветер рванёт до двадцати пяти метров в секунду, а тепло рухнет с плюс тридцати до семнадцати градусов. Циклон, формирующийся над Францией и Испанией, ползёт к нашему побережью. Ближе к понедельнику стихия уgomонится, но ливни останутся.

Марк вырвался из плотного потока машин и вырулил на улицу Ломоносова. Прогноз закончился, и из динамиков зазвучала песня Queen — «The Show Must Go On». «Любимый трек ведущего», — подумал Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.